

Только переступив порог Ведомства военных дел, Ци Цинцы ощутил, как подол воротника окатила волна пронизывающего вечернего холода, и его пробрало до костей мелкой дрожью.

В многолюдном и оживленном зале совещаний тяжелые черные латы казались невесомыми, но стоило вечернему ветру подуть снаружи, как каждая металлическая пластина превратилась в прижатый к коже кусок льда, а стужа так и норовила забраться в самые суставы.

Поскольку это был его первый выход при дворе, он держал себя в крайнем напряжении, целиком полагаясь лишь на остатки душевных сил.

Стоило этому напряжению спать, как все члены тела заныли, требуя немедленного отдыха, и в ногах почти не осталось сил.

[Замотали до смерти! Эта работенка похлеще каторги в моем прошлом мире будет!]

[Какой гений вообще придумал эти проклятые доспехи? Чистой воды антигуманизм! Как только братец очнется, я заставлю его подать петицию об их смене!]

[Так хочется домой, так хочется мою мягкую кровать, так хочется к маменьке с папенькой, к старшему братцу... хоть он сейчас и хуже живого мертвеца.]

Опираясь на стену от полного истощения, он тяжело дышал и мысленно изливал душу, как вдруг прямо над его ухом раздался тонкий, вкрадчивый голос:

— Генерал Ци, прошу погодите.

Сердце Ци Цинцы ухнуло вниз, и его шея с трудом, дюйм за дюймом, повернулась вверх.

Маленький евнух в придворных одеждах согнулся в три погибели, расплывшись в улыбке, морщинистой, как осенняя хризантема.

— Императорский указ: велено генералу Ци немедленно явиться в Императорский кабинет для аудиенции.

А?

Мозг Ци Цинцы, страдающий от нехватки кислорода, за гудел.

Аудиенция?

Прямо сейчас?!

Но ведь у меня уже закончился рабочий день!

[Вы издеваетесь, господин начальник! Я только отбыл смену, и меня снова тащат пахать сверхурочно?! Где ТК РФ на этого тирана?!]

[Этот деспот что, третий глаз на затылке отрастил? Я только за порог шагнул, а он уже в курсе!]

[Идти в Императорский кабинет... Одиноким мужчина и одиноким юноша, запертые в одной комнате... Он, он, он... неужели он положил на меня глаз и собирается учинить что-то непристойное?!]

[Спасите! Я же еще совсем невинный мальчик!]

Внутри разыгрывалась настоящая драма о насилии, принуждении и душевных терзаниях, но на лице пришлось изобразить почтительное: — Слушаю и повинуюсь, Ваше Величество.

Механически шагая вслед за евнухом, Ци Цинцы ощущал каждый шаг до Императорского кабинета так, будто шел на собственную казнь.

Внутри кабинета струился тонкий аромат сандала.

Янь Бэйсюань сменил пышные императорские одежды на простое темное ханьфу и сидел не за массивным столом, а полулежа на кушетке у дальней стены.

На низком столике перед ним подогревался чайник со свежим чаем.

Хотя его поза казалась расслабленной, от него исходила затаенная, смертоносная опасность.

Хотя Янь Бэйсюань даже не смотрел в его сторону, у Ци Цинцы от страха зашевелились волосы на затылке.

— Ваш слуга приветствует Ваше Величество.

Сжав зубы, Ци Цинцы собрался опуститься на колени.

Беда в том, что доспехи оказались слишком тяжелыми, колени подогнулись, тело подалось вперед, и он чуть было не совершил перед императором впечатляющий кувырок через голову.

— Избавься от формальностей.

Бесстрастный голос прозвучал сверху, и Янь Бэйсюань наконец поднял веки, окинув его цепким, неуловимо испытующим взглядом.

— Сесть.

Поддерживаемый евнухом, Ци Цинцы опустился на круглый табурет в нескольких шагах от Янь Бэйсюаня. Под этим пристальным взглядом

все мышцы в его теле мгновенно натянулись, сидеть было невыносимо, и любая поза казалась неудобной.

Не смея поднять глаз, он уставился на носки собственных сапог и плитку пола, в которой смутно отражался его силуэт.

— В Ведомстве военных дел нынче хлопотно.

Янь Бэйсюань лично взял чайник, налил чашку чаю и подвинул ее Ци Цинцы.

— Я уже слышан, ты отлично справился.

Чай в пиале был изумрудно-зеленым, и над ним клубился легкий пар, источая терпкий и чистый аромат.

[Ого, кажется, это Лунцзин? А этот тиран знает толк в удовольствиях.]

[Жаль только, что с моим хилым организмом стоит мне выпить чашку крепкого чая, как я потом до утра буду ворочаться в постели.]

[Да и... помнится, мой братец вроде бы страдает аллергией на чай? Сколько себя помню после переноса сюда, я ни разу не видел, чтобы он притрагивался к этой гадости.]

При этой мысли в голове Ци Цинцы завывли сирены тревоги.

Это проверка! Чистой воды провокация!

Он немедленно опустил взгляд и хриплым голосом произнес: — Благодарю за милость, Ваше Величество. Но я еще не до конца оправился после тяжелой болезни, и лекарь строго-настрого велел мне избегать чая и вина, позволив пить лишь теплую воду.

Произнося это, он мысленно показал себе победный жест.

[Ах, до чего же я сообразителен! Просто блестяще!]

Услышав его внутреннее ликование, Янь Бэйсюань уловил в глубине глаз легкую усмешку.

Не настаивая, он сам взял чашку и неторопливо сделал глоток.

— О? Вкусы изменились? — Янь Бэйсюань опустил чашку, заговорив так, будто они просто вели праздную беседу. — Помню, три года назад на победном пиру в Северной Границе генерал Ци пил со мной наравне, осушив три кувшина крепкого вина без единого изменения в лице. Неужели тяжелая болезнь так сильно истощила твои силы?

Сердце Ци Цинцы подпрыгнуло к самому горлу.

Три года назад? Пили наравне? Три кувшина крепкого вина?!

Да откуда ему знать! После переноса в этот мир он большую часть времени провел стонущим на постели, носу не показывая из дома, и его жизненный путь с жизнью брата-близнеца Ци Цинюэ пересекался не больше, чем две параллельные линии!

[Опять! Опять за свое! Этот тиран что, ходячая энциклопедия подозрительности?! Обязательно вытрясти из меня всю душу до последнего каноничного факта?!]

[И главное — три кувшина крепкого вина? Мой братец — бог винопития или ходячая бочка? Наверняка хвастался! С моим-то доходяжным телом меня бы после первой рюмки вперед ногами вынесли.]

[Спокойно, без паники!]

Выровняв дыхание, Ци Цинцы изобразил на лице идеальную смесь ностальгии и горькой утраты.

— Ваше Величество шутит, — тихо произнес он. — После той тяжелой болезни все словно в тумане. О многом из прошлого я... уже не помню.

Амнезия.

Лучший щит, какой только мог прийти ему в голову.

— Не помнишь? — Янь Бэйсюань слегка подался вперед, и на него пахнуло таким тяжелым давлением, что казалось, будто сам воздух вокруг сгустился. — Тогда помнит ли генерал Ци шрам трехдюймовой длины на своем левом плече? Тот самый удар, который ты принял на себя,

спасая меня в своей первой битве в шестнадцать лет.

Голос Янь Бэйсюаня звучал негромко, но каждое слово падало на сердце Ци Цинцы тяжелым молотом.

— Интересно, остался ли этот шрам цел до сих пор?

В этот момент дыхание Ци Цинцы оборвалось.

Шрам?

Ему инстинктивно захотелось схватиться за левое плечо, но он изо всех сил подавил этот порыв.

Его плечо было гладким, как мрамор — не то что шрама, даже следа от комариного укуса там не нашлось бы.

Конец.

На этот раз действительно конец.

Такую ложь не спасет ни один небожитель!

[Капец! На этот раз меня точно упакуют и отправят на заброшенное кладбище!]

[Да где я тебе посреди ночи раздобуду этот проклятый шрам?! Может, прямо сейчас вытащить клинок и полоснуть себя? Еще успею?!]

[Этот деспот явно все подстроил! Он с самого начала подозревал меня! Просто хотел выставить дураком, а потом со спокойной совестью приказать вытащить меня за ворота и разрубить на куски!]

Глядя на побледневшее лицо Ци Цинцы, из которого вмиг исчезли все краски, но который все еще отчаянно пытался держать лицо, Янь Бэйсюань лишь сильнее изогнул губы в предвкушающей улыбке.

Он хотел прижать его к стене.

Загнать в угол и посмотреть, как тот будет выкручиваться, когда его окончательно поймут с поличным.

В Императорском кабинете стояла такая тишина, что было слышно падение иголки.

Крупная капля холодного пота сорвалась с виска Ци Цинцы, скользнула по мертвенно-бледной щеке и упала на сжатый до белизны костяшек кулак.

И когда он уже смирился с неизбежной гибелью, в голове внезапно сверкнула искра!

[Погодите-ка! Система! Мой системный инвентарь! Тот самый сундук с сокровищами повышенной редкости!]

Мысленно он завопил изо всех сил: Открыть сундук!

[Динь! Поздравляем хозяина с открытием «Случайного сундука с сокровищами (высокое качество)». Получен предмет: «Маскировочный амулет безупречного качества» — 1 шт.!]

[Описание предмета: после использования позволяет по желанию хозяина сформировать на любом участке тела иллюзорный внешний дефект сроком на двенадцать часов. Распознать обман человеческим глазом невозможно.]

Соломинка для утопающего!

Да это не просто помощь в беде, это целая пожарная команда, подоспевшая в разгар лесного пожара!

— Использовать! Немедленно сотворить на левом плече трехдюймовый шрам! — взревел про себя Ци Цинцы.

Хорошо еще, что он отлично помнил, как выглядел шрам на плече настоящего Ци Цинюэ, иначе даже помощь системы оказалась бы бесполезна.

Практически в тот же миг сквозь его левое плечо пронеслась едва уловимая волна тепла.

Получилось!

Сердце, готовое выпрыгнуть из груди, наконец вернулось на место.

Он медленно поднял голову и впервые прямо, без тени страха и уверток, заглянул в бездонные глаза Янь Бэйсюаня.

В его взгляде читалась оскорбленная гордость человека, которого несправедливо заподозрили в худшем, и глубокая, звенящая тоска.

— Ваше Величество.

Каждое слово звучало отчетливо и твердо.

— Честь заслонить государя от клинка твой слуга не смел забывать ни на секунду за всю свою жизнь.

Не дожидаясь ответа, он на глазах у Янь Бэйсюаня протянул руку к завязкам собственных доспехов.

Звонко и резко лязгнули пластины металла, нарушая зловещую тишину Императорского кабинета.

Когда он распахнул ворох нижних одежд и полностью обнажил левое плечо при мерцающем свете свечей, в поле зрения Янь Бэйсюаня предстал жуткий багровый шрам.

Направление, длина и даже слегка взбухшие по краям молодые ткани — все до мельчайших деталей совпадало со шрамом из его воспоминаний!

Зрачки Янь Бэйсюаня резко сузились.

Как такое возможно?

Янь Бэйсюань был абсолютно уверен: тот, кто стоял перед ним — вовсе не Ци Цинюэ.

Он слышал его внутренний голос, слышал, как тот называет Ци Цинюэ братом, отчетливо понимая, что перед ним самозванец, занявший место старшего брата.

Но этот шрам...

Неужели этот «Ци Цинцы» объявился гораздо раньше, и шрам остался еще с тех времен?

Или же...

Оба они — один и тот же человек, и Ци Цинюэ просто водил его за нос?

Взгляд Янь Бэйсюаня намертво впился в злополучный шрам, в то время как мысли в голове неслись вскачь.

Разумеется, он никак не мог догадаться, что этот шрам сотворила магия системы.

Хотя Янь Бэйсюань обладал способностью слышать сокровенные мысли Ци Цинцы, любые попытки общения с системой были наглухо заблокированы ее собственной силой.

Заметив это выражение лица, будто перед ним явился призрак, Ци Цинцы внутренне просто ликовал.

[Ну что? Обалдел?! Забыл дар речи?! Не ожидал?!]

[Хотел меня подловить? Детка, на всякую хитрость найдется управа похитрее! У меня читы, попробуй-ка переиграй меня!]

Поправив одежду и застегнув доспехи обратно, он держался с безупречным достоинством, не выказывая ни излишней робости, ни дерзости.

Янь Бэйсюань долго молчал, просто глядя на него.

В этом взгляде читалось то ли оценивание редчайшей драгоценности, то ли препарирование неуловимой добычи.

Наконец он тихо рассмеялся.

Смех был легким, с хриловатым бархатным оттенком, отчего в наступившей тишине у любого по коже побежали бы мурашки.

— Видимо, я зря поднял тревогу.

Медленно поднявшись, он шаг за шагом подошел к Ци Цинцы.

Высокая фигура отбросила длинную тень, полностью накрывшую Ци Цинцы.

Он протянул руку — на сей раз не для того, чтобы коснуться затылка, а чтобы легко опустить ладонь на его макушку, словно успокаивая взъерошенного зверька.

— Генерал Ци в дороге вымотался, неудивительно, что ты так устал. Гляжу я на твой бледный вид: похоже, старая хворь не отступила, да новая усталость прибавилась.

Его голос звучал настолько мягко, что от этого веяло зловещим холодом, заставляя сердце Ци Цинцы трепетать от дурного предчувствия.

[Чего удумал! Опять за свое!]

[Старый хрыч явно замышляет какую-то гадость!]

Хотя лицо Ци Цинцы оставалось маской невозмутимости, внутри он яростно отгонял любые мысли о чужих прикосновениях.

Улыбка Янь Бэйсюаня, до того казавшаяся вполне дружелюбной, на мгновение застыла, но он тут же непринужденно убрал руку.

— Пожалуй, так. Я велю лекарям явиться и как следует осмотреть тебя.

Кровь мгновенно отхлынула от лица Ци Цинцы, оставив его бледнее штукатурки на стене.

Вызвать... лекарей?!

Этот шаг оказался в сто раз смертоноснее, чем приказать отрубить ему голову прямо здесь!

Стоит лекарю хотя бы коснуться его пульса, как выяснится отсутствие подлинной болезни, да вдобавок раскроется вся правда о его особом теле шуанъэра — разве не рухнет тогда все разом?!

[Нет!!!]

Отчаянный вопль разорвал тишину в голове Ци Цинцы.

<http://bllate.org/book/22366/2345378>